

ГАБРИЭЛЬ МАРСЕЛЬ И НИКОЛАЙ БЕРДЯЕВ: НОВЫЙ ПОДХОД К «ВИТАЛЬНОЙ» ФИЛОСОФИИ

Автор настоящей статьи желает рассмотреть в сравнительном ключе взаимоотношения между Н. А. Бердяевым и Г. Марселем. Нужно отметить, что данная тема находится лишь в начале своего осмысления. Так, В. П. Визгин, опираясь на различные мемуарные свидетельства, отмечает приближение Бердяева к Хайдеггеру, Ясперсу, и Марселю¹, однако автору настоящей статьи думается, что имеет смысл пересмотреть эти отношения с точки зрения развития теории психоанализа после фрейдизма, с одной стороны, и философии творчества под влиянием мысли М. Пруста, с другой.

В настоящей работе сначала рассматривается проблема познания и творчества, затем – отношения между этикой и психологией, представленные в сочинениях Бердяева, Марселя и Пруста. Разумеется, автор предполагает описать указанные вопросы лишь в общих чертах.

Особенностью философии первой половины XX в. было внимание к иррациональному в человеческой жизни, или, по выражению Бердяева, «первожизни, бытию еще темном»². Тот же Бердяев придавал большое значение иррациональным категориям «страх» и «страдание», интересовавшим, между прочим, также Марселя и Пруста. Последний, в частности, утверждал: «Chaque jour j'attache moins de prix à l'intelligence... les vérités de l'intelligence semblent bien peu réelles»³.

Естественно, что если реальность понимается вне рационально направленной мысли, то бытие познается через акт свободы⁴. Это непосредственное восприятие мира обозначается Бердяевым как «опыт жизни», в котором внутренне гармонируют акт познания и бытийственный акт, при этом сутью их является защита свободы и независимости философии от религии и науки⁵.

¹ Бердяев Н.А. О назначении человека. М., 1993. С. 21.

² Визгин В.П. Николай Бердяев и Габриэль Марсель: к феномену встречи. URL: http://vphil.ru/index.php?option=com_content&task=view&id=111

³ Proust M. Contre Saint-Beuve. Bibliothèque de la Pléiade, Gallimard, 1971. P. 211. «С каждым днем я все менее признаю ценность чистого разума... истины чистого разума кажутся мне все менее реальными» (пер. мой. – Ю.Х.).

⁴ Бердяев Н.А. О назначении человека. С. 45.

⁵ Там же. С. 21–22.

В частом использовании столь субъективного термина самопознания, как «судьба», между прочим, проявляется стремление к новому методу философствования. Идеалом для Бердяева является творческая личность, описанная в работе «Самопознание» – его философской автобиографии. Что касается Марселя, то в его философском дневнике также раскрывается живой образ «человека-философа» («Journal Métaphisique»).

В автобиографии Бердяева и в дневниках Марселя фигура автора непременно совпадает с фигурой писателя. Именно поэтому эти философские сочинения очень похожи на художественные произведения, которые создавал и Пруст. Так, в 1908 г. Пруст долго размышлял над тем, писать ли ему роман либо представить свои мысли в виде философской статьи. В конце концов ему пришлось признать невозможность изобразить средствами научной логики единство художественного мира, в то время как создать художественными средствами некий гармоничный мир, что было типично для романа XIX в., ему тоже было не под силу. В результате мир Пруста предстал перед читателем как череда рассыпанных образов, как амальгама различных деталей жизни и мира: целостность времени в этом мире нарушена, а его ритм прерывист¹.

По сравнению с Прустом, Бердяев и Марсель, кажется, без особых трудностей отыскали свой метод изображения познания и бытия. Интуитивное раскрытие универсального в индивидуальном, названное Бердяевым «методом экзистенциально-антропоцентрическим»², возможно через описание своей собственной судьбы, поэтому они оставили попытки создания какой-либо завершенной философской системы либо теории. Марсель, так же как и Бердяев, считает, что христианская вера в Бога открывает путь к истинному общению, причем субъект веры не является общей мыслью (*Le sujet de la foi n'est pas la pensée en général*)³, а имеет персональный характер⁴.

Бердяев, в свою очередь, полагает, что история (движение в историческом времени) есть не круговое, циклическое движение, а испытание творческого акта, мессианское ожидание⁵. Для Марселя надежда существует лишь в религиозном сознании истории, вне логической и математической категорий, где нет ничего гарантиро-

¹ *Compagnon A.* Proust entre deux siècles. Seuil, 1989. P. 32–33. См. также: *Deleuze G.* Proust et les signes. PUF, 1964. P. 150–151.

² *Бердяев Н.А.* О назначении человека. С. 254.

³ *Pietro P.* Gabriel Marcel et la Méthodologie de L'invérifiable. Desclée de Brouwer, 1953. P. 26.

⁴ См.: *Ricoeur P.* Gabriel Marcel et Karl Jaspers. Temps Présent, 1947. P. 371.

⁵ *Бердяев Н.А.* О назначении человека. С. 346, 348.

ванного и все вечно останется открытым¹ (*l'espérance*). В своем философском дневнике Марсель пишет:

«8 *Février*.

Mon histoire ne m'est pas transparente; elle n'est mon histoire que parce qu'elle ne m'est pas transparent...

11 *Février*.

...Au fond, "mon histoire" n'est pas une notion claire. D'une part, je m'interprète moi-même comme objet d'une biographie possible. De l'autre... j'appréhende toute biographie comme fiction»².

Здесь Марсель, подобно Бердяеву, верен персонализму, полагая, что биография является лучшим методом философствования, однако этот метод также налагает на автора свои ограничения.

Хотелось бы отметить, что Бердяев утверждает исторический смысл концепции страха³, лежащего в основе жизни⁴ и вызывающего сознание смерти и страдания в будущем. Принимая во внимание психологическое понятие «страх» Кьеркегора и его космическое значение у Хайдеггера, философ приходит к выводу о том, что нужно отделять страх животный, низший, неисторический, от страха духовного, Божьего, собственно исторического⁵.

Марсель также интересовался данной проблемой и даже сделал попытку исторически проанализировать страх в мировоззрении таких европейских философов, как св. Августин, Паскаль, Кьеркегор, Хайдеггер, Ницше, Гёте, Сартр и, наконец, Жид («*L'homme problématique*»). Точно так же, как Бердяев, он подчеркивал сложность терминологии страха, отмечал экзистенциальное значение этого термина на французском. При этом Марсель пишет, что в истории страх (*l'inquiétude*) считался болезнью, однако его можно понимать и по-другому, то есть началом духовного прогресса (*tout progrès spirituel*) либо подлинного творчества⁶. Как раз в этом Прусту и можно противопоставить Бердяева и Марселя как христианских экзистенциалистов.

¹ *Pietro P. Gabriel Marcel et la Méthodologie de l'invérifiable*. P. 28.

² *Marcel G. Être et Avoir*. Éditions Mouton, 1935. P. 188. (Моя история для меня неуловима; она является моей именно потому, что она для меня неуловима... В принципе, «моя история» – совершенно нечеткое понятие. С одной стороны, я рассматриваю самого себя в качестве объекта возможной биографии. С другой стороны... я боюсь любой биографией как фикции. (Пер. мой. – Ю.Х.)).

³ *Бердяев Н.А.* О назначении человека. С. 346.

⁴ Там же. С. 285.

⁵ Там же. С. 287.

⁶ *Marcel G. L'homme problématique*. Association Présence de Gabriel Marcel, 1998. P. 84, 103.

Переходя ко второму вопросу данной статьи, а именно к теме взаимоотношений этики и психологии, автор хотел бы рассмотреть прежде всего такую дискуссионную проблему, как возможность этики в психоанализе.

Очевидно, что Бердяев в принципе отвергает психоанализ и подобный ход мыслей, чтобы сохранить верность этической посылке своей философии. Так, признавая влияние на себя Пруста в «Самопознании», он в работе «О назначении человека» критически оценивает прустовское изображение распадающейся на отдельные элементы личности. Дело в том, что органическое единство души необходимо для того, чтобы нести в себе божественное начало¹. Тем не менее, верно ли таким негативным образом оценивать Пруста? На наш взгляд, проблема состоит в том, какую роль играет этика в творчестве того либо иного философа. Особенная черта философии Бердяева – его склонность к этике, особенно к персонализму.

Пруст, близкий к современной постмодернистской психологии, не считает этику серьезным препятствием. Так, в романе «Поиск утраченного времени» он использует метафору «вторая квартира» (*un second appartement*), указывая на подсознательное, более важную онтологическую посылку. Если «первая квартира» символизирует жизнь днем, то «вторая» – это пространство, совершенно отличное от места реальной жизни, будучи в котором, можно игнорировать всякий порядок жизни, времени и общества. Находясь в нем, человек испытывает другую правду жизни, которую невозможно познать в трезвом состоянии: «J'entraîs dans le sommeil, laquelle est comme un second appartement que nous aurions et où, délaissant le nôtre, nous serions allé dormir... La race qui l'habite, comme celle des premiers humains, est androgyne. Un homme y apparaît au bout d'un instant sous l'aspect d'une femme. Les choses y ont une aptitude à devenir des hommes, les hommes des amis et des ennemis. Le temps qui s'écoule pour le dormeur, durant ces sommeils-là, est absolument différent du temps dans lequel s'accomplit la vie de l'homme réveillé»².

Кроме того, в романе занимает важное место тема однополый любви, в то время как Бердяев, конечно же, критически относится к

¹ Бердяев Н.А. О назначении человека. С. 63.

² Proust M. *Sodome et Gomorrbe*. II. Gallimard, 1989. P. 370. (Я погружаюсь в сон, и это похоже на нашу «вторую квартиру», куда мы идем спать, оставляя свой дом... Раса, населяющая ее, подобно первочеловекам, андрогинна... Мужчина предстает там спустя некоторое время в виде женщины. Вещи обладают способностью становиться людьми, а люди – друзьями либо врагами. Время, проводимое спящим в течение этих бессонных ночей, совершенно отличается от времени, в котором протекает жизнь бодрствующего человека. (Пер. мой. – Ю.Х.))

данному явлению: «Любовь однополая онтологически осуждена тем, что в ней не достигается андрогинная целостность, разорванная половина остается в своей стихии, не приобщается к полярной ей стихии, т. е. нарушается закон полярности бытия»¹. Интересно, что в данном случае философ рассуждает предельно рационально, оставив в стороне свои религиозные и этические догматы, и мнение его основано здесь на философии творческого движения. Таким образом, Бердяев выступает против слепой стихии, в то время как Пруст имеет склонность к аналитическому изображению слепоты стихии однополой любви, олицетворяемой в романе такими образами, как Альбертина, невеста главного рассказчика, и Барон Шарлю.

Нет необходимости дольше останавливаться на противоречиях, существующих между этикой и психологией, так как, по словам Рикёра, в психоанализе чувственные страсти понимаются в конфликтных отношениях культурного мира, таких как отношения с родителями, с авторитетом и так далее, то есть в контексте культурной реальности². По мнению Рикёра, психоанализ – это диалектика страсти и культуры, и оригинальность фрейдизма состоит в том, что этот метод считает этику не отдельной, самостоятельной проблемой, но специфическим аспектом целой культуры³. Следовательно, психиатры всегда понимают этику, по выражению Рикёра, лишь «экономически»: они считают, что этика является неким пределом культуры и имеет смысл только в контексте оттенка эмоции, не имея исключительной ценности в культуре⁴.

Итак, Бердяев и Марсель отстаивали этическую базу философии, вследствие чего в центре их мировоззрений лежат торжество личности (а не индивидуума) и свобода творчества. Они хотели сохранить личность от распада ее внутреннего мира с помощью христианской веры. Пруст же пытался восстановить утраченный образ посредством памяти, но затем понял, что самые важные для человека образы не воссоздаются во всей своей полноте. Этот психологический феномен он определил как «перебой сердца» (*Les Intermitteances du cœur*)⁵, ключом к изображению которого является оживление накопленных в памяти ощущений, например радости.

Иначе говоря, если Бердяев и Марсель пытаются вернуть единство личности с помощью этики, то Пруст делает это путем полного отказа от этической посылки. Здесь открываются два пути к творче-

¹ Бердяев Н.А. О назначении человека. С. 210.

² Ricoeur P. On Psychoanalysis. Cambridge, 2012. P. 121.

³ Ibid. P. 122.

⁴ Ibid. P. 141.

⁵ Proust M. Sodome et Gomorrhe. II. P. 154.

ской свободе: один – эсхатологический, страннический путь Бердяева и Марселя, а другой – жизнь в прустовской «второй квартире», где милый образ сохраняется вместе со страданием и страхом в разорванной на клочья душе¹.

Однако нужно отметить, что характерный для Пруста путь представлен и в философии Бердяева и Марселя, поскольку они не отвергали возможность вхождения в мир чувственности (*sensation*), страха (*inquiétude*) и страданий, являющихся духовным началом творчества. Поначалу Бердяев рассматривал страдание несколько критически, однако в конце концов осознал его прогрессивное значение: «В истории европейского человека за ряд столетий очень увеличились чувствительность и невыносимость к страданию, по крайней мере, это верно в отношении к известной более утонченной части человечества... Более всего страдают совсем не худшие люди, более всего страдают лучшие люди... Христианство превращает путь страдания в путь спасения... Человеческая жизнь наполнена экзистенциальной диалектикой страдания и радости, несчастья и счастья»².

В заключение можно сказать, что Бердяев и Марсель стремились к достижению единства души на пути христианского странничества. Пруст же ушел в мир подсознательного, в мир во сне – «вторую квартиру», найдя там свою творческую свободу.

¹ Ibid. P. 156–157.

² Бердяев Н.А. О назначении человека. С. 291–293.